

Татьяна Фильченкова

Паучиха

Книга II

Надя

18+

Татьяна Владимировна Фильченкова

Паучиха. Книга II. Надя

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69589060

SelfPub; 2024

Аннотация

Вера с дочерью переезжают в Былинск. На новом месте можно начать жить по-новому. Но к чему стремиться, если все прежние мечты превратились в прах? Жить ради дочери? Станет ли Вера довольствоваться одной лишь ролью матери? А ещё Наденькина страшная сила. Сумеет ли ребёнок разорвать связь с Ирием и научиться преодолению? Судьба готовит Вере новые испытания. Чтобы спасти близких, она вновь окажется в долгу у Ирия и возьмётся за жестокую отработку.

Содержание

Глава 1. Былинск	4
Глава 2. Алла	13
Глава 3. Преемница	22
Глава 4. Мечта	32
Глава 5. Планерское	42
Глава 6. Перевертыш	59
Глава 7. Вяземский	64
Глава 8. Расправа	81
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Татьяна Фильченкова

Паучиха. Книга II. Надя

Глава 1. Былинск

Август 1954 года

Вещи уместились в трёх чемоданах. Везли с собой только одежду. Ничего из пропахшего подвальной сыростью Вера в новую жизнь брать не хотела.

После четырёх часов тряски в раскалённом от жары автобуса вышли в прохладу тенистых улиц Былинска. Вера успела побывать здесь дважды. В первый приезд подала заявление о приёме на работу в поликлинику, а через неделю уже спешила за ордером на комнату.

– Вот и добрались, Надюша. Нравится тебе здесь?

Надя, разморённая дорогой, равнодушно пожала плечами. Вера опустила чемодан и вытерла испарину с лица. За последний год дочь вытянулась, повзрослела и стала будто чужой. Ничего, отстранённость пройдёт, как только они начнут жить вместе.

– Привыкнешь. Осталось на городском автобусе немного проехать – и будем дома. Сегодня на матрасах поспим. Так даже лучше, не жарко. Завтра пойдём по магазинам новую мебель выбирать. У меня ещё три дня до работы. Успеем в

школу тебя собрать. А письменный стол я уже купила, ждёт тебя в комнате.

От автостанции автобус свернул на деревенскую улицу. Вера показала на деревянные домишки:

– Надюша, смотри, совсем как в Новом Бору. А вон козы идут. Помнишь нашу козу?

Надя покачала головой. В глазах не промелькнуло узнавания.

«Неужели забыла? Ещё три года назад лучший дом с печкой рисовала».

Деревню сменили новые городские дома, за ними снова показались бревенчатые. Былинск строился, камень вытеснял дерево.

Просторный двор четырёхэтажного дома, заселённого семьями медицинских работников, звенел детскими голосами. Надя впервые за время пути улыбнулась. Вера открыла перед ней тяжёлую дверь подъезда. Дочь, не раздумывая, стала спускаться в подвал.

– Надюша, ты куда? Нам на третий этаж.

Надя посмотрела удивлённо.

Пустая светлая комната в коммуналке после ленинградской каморки казалась огромной. Вся обстановка – свёрнутые в рулоны матрасы и письменный стол. Надя тут же принялась раскладывать свои альбомы и краски. Выдвинув один

из ящиков, воскликнула:

– Мама, ты купила стол с денежками!

Вера подскочила к ней. В дальнем углу виднелась небольшая стопка купюр. Обычная сумма, которую демон платил за охоту.

«Исгар, что я должна делать? Разве долг не закрыт?»

Молчание.

«Отвечай! Иначе выброшу твою подачку к чёртовой матери!»

«Ничего. Будь с дочерью и не ищи ночных подработок».

С тревогой обернулась к Наде. Почувствовала ли? Нет, занята своими делами. Неужели смогла перекрыть в себе связь с Ирием?

– Это мне аванс на работе дали, – пояснила Вера появление денег. Надя кивнула. Никаких признаков страха или беспокойства. Вера не увидела среди альбомов картонной папки: – Надюша, а где твой дневник?

– Он мне больше не нужен. Не понимаю, как я могла рисовать такую мазню.

Вера тихо выдохнула. Оно и к лучшему.

– Пойдём-ка в магазин, а то у нас ни продуктов, ни посуды. Заодно город посмотрим.

Сразу за домом зеленел сквер с молодыми липами и клёнами вдоль аллеи. В глубине блестело озеро.

– Видишь, Надюша, как хорошо здесь! А за сквером –

школа, в которой ты будешь учиться.

– Так близко? Ты каждый день ко мне приходить сможешь?

Вера остановилась, наклонилась к дочери.

– Надя, в школе не живут. Утром ты будешь уходить на уроки, а в обед возвращаться домой. Поняла?

Надя быстро кивнула.

«Ничего она не поняла. Думает, я забрала её на время, пока не определю в очередное заведение». Вера выпрямилась и осмотрелась.

– Где же тут можно кастрюлю с тарелками купить?

Проходящая мимо тётка с бидоном махнула рукой в обратном направлении:

– За посудой вам в Кудесатово надо, хозмаг там.

Через квартал за городскими постройками открылась безлюдная деревенская улица с копошащимися в траве курами. Через три двора показался дощатый магазин с покосившимся крыльцом и облупившейся вывеской «Хлеб-молоко». На скамейке перед ним рабочие в касках ели батон и запивали молоком из бутылок.

– Это и есть Кудесатово? – крикнула им Вера.

– Оно самое, последние дни доживает, – ответили они и показали на стрелки подъёмных кранов за улицей. – Скоро тут проспект построим, как в Москве. Конец деревне пришёл, останется только исторический центр, как памятник зодчим.

«Всё правильно, жизнь продолжается. На руинах прошлого нового не построишь. Только от памятников нигде не спрятаться».

– Хозмаг не снесли ещё? Как к нему пройти? – спросила она.

Строители замахали руками, закричали вразнобой:

– Цел пока. В конец улицы идите.

Домой возвращались с огромными авоськами. Во дворе Надя замедлила шаг и с тоской посмотрела на резвящихся детей.

– Хочешь погулять? – спросила Вера.

Надя опустила глаза и мотнула головой.

– Надюша, я же вижу, что хочешь. Давай так – ты поможешь мне донести покупки и пойдёшь знакомиться с ребятами, а я тем временем приготовлю обед.

Надя просияла и вприпрыжку побежала к подъезду.

Помимо Горюновых в квартире проживали две семьи. В общей кухне Вера заняла свободный стол и принялась чистить овощи для супа, то и дело поглядывая в окно за дочерью. Надя тут же включилась в игру, будто всю жизнь провела среди местных детей.

Когда обед был готов, Вера позвала её. Наденька вернулась запыхавшаяся, в мокром платье.

– Ты где воду нашла?

– Нас Степаныч из шланга окатил, чтобы не перегрелись.

– Степаныч?

– Дворник. Он добрый.

Вера улыбнулась:

– Нашла друзей?

– Много-много!

– Как их зовут?

– Не знаю.

– Как же так? Это же друзья, а ты даже их имён не знаешь.

Надя насупилась. Вера погладила её по влажным растрёпанным волосам.

– Завтра обязательно спроси, как их зовут. Так будет хорошо.

– Нет, – пробормотала Надя. – Когда дружишь по-настоящему, а их потом забирают или переводят, хорошо не бывает.

Вера развела руками. Как объяснить, что теперь всё по-настоящему, и семья, и друзья? Слишком уж привыкла Надюша к казённой жизни. Да и стоит ли что-то говорить? Со временем сама поймёт и поверит.

Поверила Надя или нет, но о разлуке больше не заговаривала. К осени знала по именам всех соседей и в школе быстро освоилась, домой возвращалась в компании подружек и выглядела вполне счастливой.

Сама же Вера не спешила сблизиться с новыми коллега-

ми. Положение изгоя в институтские годы научило осторожности. Как молодого специалиста, её назначили участковым деревенской окраины. Приходилось преодолевать километры бездорожья, чтобы обойти больных. С приходом дождей дороги размыло. Вера пробиралась от дома к дому в резиновых сапогах, по колено в грязи и под остервенелый лай цепных псов.

Вера надеялась, что дочь унаследовала талант к танцам и сможет добиться успехов в балете. Она обошла все хореографические кружки Былинска, подбирая лучший. Однако Надя приходила с занятий бледная, тяжело дыша. Вера забеспокоилась и, не сильно доверяя своему опыту в педиатрии, повела дочь в поликлинику.

Надюшу осматривал участковый педиатр Валентин Фролович, старик с седой бородкой, похожий на доброго Айболита. Он напряжённо вслушивался в биение детского сердечка.

– Верочка, послушайте сами. На свои уши я уже не полагаюсь, но сдаётся, что тоны глухие.

Вера встревожилась, взяла фонендоскоп и приложила к груди дочери.

– Действительно глухо. И, кажется, тахикардия.

– Значит, не ошибся. Мне уже не следовало бы вести приём, но на покой так сразу не отпускают. Надлежит поработать ещё три месяца.

– Валентин Фролович, так что с сердцем?

– Голубушка, не волнуйтесь так. Причин множество. Не нужно предполагать худшее. Давайте поступим следующим образом: я договорюсь, чтобы вас приняла Матецкая. Алла Владимировна блестящий специалист и изумительная женщина. Моей преемнице она не откажет.

– О чём вы? Я месяц только проработала. Должно чудо свершиться, чтобы меня назначили на один из лучших участков.

– Помяните моё слово. Прозорливость с возрастом становится только острее, чего не скажешь о других органах чувств.

Кардиолог Матецкая представлялась Вере ровесницей Валентина Фроловича, а оказалась немногим старше её самой. Алла Владимировна, статная, с высветленными добела волосами в замысловатой причёске и влажными восточными глазами, встретила их в просторном кабинете. Пролистывая карту, задержалась на титульном листе, затем осмотрела Наденьку:

– Не вижу причин для беспокойства. Ребёнок здоров. Слабые тоны от недостатка физической нагрузки в период развития. Рекомендую занятия спортом.

– Она ходит в кружок хореографии.

Алла нахмурилась:

– Не советовала бы. Нечего девочке, перенёсшей туберкулёз, дышать пылью в душном зале. Только свежий воздух.

У нас в школе замечательная лыжная секция. Кстати, мы с вами соседки, и наши дочери учатся в одном классе.

Вера удивилась. Она бы запомнила такую яркую женщину, присутствующую на родительском собрании.

Матецкая продолжила:

– Вы вдова? И в городе недавно?

– Да.

– От меня тоже ушёл муж. Нет-нет, он жив и здоров. Не буду ходить вокруг да около, скажу прямо. Вся моя жизнь в работе. С таким графиком совершенно не остаётся времени на ребёнка. Даже в школу собрать её не успеваю. Приходится поручать заботу о Марго знакомым. Она слишком мала, чтобы оставаться одной ночью. У меня к вам предложение: вы возьмёте под опеку мою дочь, а я в долгу не останусь.

Что имелось ввиду под опекой, Вера поняла, когда вечером Алла появилась в сопровождении двоих мужчин, несущих раскладушку и коробки с дефицитными продуктами.

– Верочка, только умоляю, ешьте, не берегите на праздники. Поставлять буду регулярно.

Матецкая с сопровождающими ушла. В комнате, словно забытая вещь, осталась темноволосая девочка со взглядом оленёнка.

Глава 2. Алла

Вера прежде не интересовалась сплетнями, ходившим между коллегами. После знакомства с Аллой слух стали цеплять обрывки фраз. В коллективе большая часть разговоров вертелась вокруг Матецкой. Постепенно становилось понятно, что возбуждало интерес к ней. За Аллой закрепилась репутация горячей женщины, часто меняющей поклонников. И это при муже-доценте, любившем её без памяти. Он долго пребывал в счастливом неведении о цепочке романов жены, пока та не вступила в мимолётную интрижку с молодым специалистом. Слухи дошли до супруги обманщика. Та, поймав мужа на измене, немедленно подала на развод и сбежала на комсомольскую стройку. Но, прежде чем покинуть Былинск, уничтожила благополучную семейную жизнь блистательного кардиолога, предъявив доверчивому доценту доказательства неверности любимой. Тот собрал вещи и в ту же ночь покинул жену и дочку.

Рита тяжело переживала развод родителей. Она не рассказывала о своей трагедии, только свечение источало постоянную тревогу. Однажды Вера, устав наблюдать вспышки страха, спросила, чего она так боится. Рита напряглась, замотала головой и безотчётно отправила ведьме мучительное воспоминание.

Риту разбудил шум. Она выглянула за дверь своей комнаты. В спальне родителей бледный и взъерошенный отец пытался закрыть объёмный чемодан.

– Папа?..

– А-а, Ритуля... Я ухожу. Мама вернётся с дежурства и всё тебе объяснит.

Отец закинул на плечи рюкзак, взял в обе руки чемоданы и стопки книг. Направившись к выходу, остановился напротив дочери. Наверное, хотел обнять на прощание, но не отважился выпустить из рук с таким трудом собранные вещи. Вместо этого сказал:

– Открой мне дверь. И... Прости!

Рита до звенящей тишины вслушивалась, как затихает эхо отцовских шагов в подъезде. Она поняла только, что маленький мир их семьи рухнул. И что нельзя спать. Надо сидеть в прихожей и ждать маму. Так она не даст рассыпаться осколкам привычной жизни. Риту трясло не то от холода, не то от страха. Она сбегала за пледом и устроилась на полу против входной двери.

Божеством в семье была мама. Отец свято верил в её абсолютное совершенство и в этой вере воспитывал дочь. Каждые вздох, слово и действие посвящались маме, харизматичной красавице и талантливому врачу.

Забрав Риту из сада, отец открывал перед ней планы служения Божеству:

– Сейчас зайдём в магазин, потом наведём порядок, по-

стираем и приготовим ужин. Мама вернётся уставшая, а у нас – уют и чистота.

Когда дочь разбивала коленку или теряла варежку, первая мысль опять же была о Божестве:

– Маме об этом не скажем, не будем расстраивать.

Однако Рита была не в силах расстроить Аллочку. Коленки и варежки та просто не замечала. Да и общалась с дочерью лишь через посредника-папу.

И вот теперь Божество должно объяснить Рите то страшное, что произошло с их семьёй.

Вернувшись утром, Аллочка, не разуваясь, пробежала в спальню. Увидев пустые книжные полки и открытые шкафы, привалилась к стене:

– Вот так, значит...

Тут она заметила дочь на полу:

– Рита?! – В вопросе звучало изумление, будто Алла столкнулась не с собственным ребёнком, а с досадной неожиданностью.

Оказалось, что Божество не способно давать объяснение. Оно могло лишь повелевать:

– Что ты тут разлеглась? Быстро собирайся! У меня приём в девять, а ещё тебя в сад вести.

Понятия «дом» и «семья» ушли в прошлое. Мама была так загружена работой, что к заботе о дочери пришлось привлекать посторонних. Незнакомые люди забирали Риту из сада, вели к себе и укладывали спать в чужую постель. А осе-

нюю началась школа и самостоятельность. Рита вставала по будильнику, завтракала молоком с бутербродом и долго мучилась, собирая в хвостик длинные пушистые волосы. Часто опаздывала, отчего чуть не каждый день учительница передавала Аллочке записки. Прочитав очередное послание, Божество впадало в гнев:

– Опять растрёпой пришла? И почему у тебя воротничок оторван? Ты мне сказать не могла?

Рита чувствовала себя виноватой. Опустив глаза, молча выслушивала недовольство матери.

Аллачка не была бы совершенством, если бы не нашла выход из положения. Однажды она заявила домой с раскладушкой и объявила, что теперь Рита будет ночевать у одноклассницы, Нади Горюновой, живущей в соседнем подъезде, а её мама, тётя Вера, позаботится о том, чтобы девочки ходили в школу опрятными. Рита согласилась бы ночевать и в песочнице, лишь бы мама не огорчалась.

В доме Горюновых Рита поняла, что можно жить без груза вечного служения. И что мать и дочь могут непринуждённо болтать о пустяках, произошедших с ними за день. Даже смеяться. У Риты появилась робкая надежда, что когда-нибудь она так же легко поговорит с Божеством. Но Аллочка опять общалась с ней через посредника, которым стала тётя Вера.

В ноябре Матецкая обратилась с просьбой:

– Верочка, я в воскресенье праздную день рождения. Не поможешь накрыть стол? Разумеется, ты приглашена.

Квартира Аллы оказалась под стать хозяйке: строгая, обставленная со вкусом. Детали тёмного дерева контрастировали со светлыми стенами, кремовой обивкой мягкой мебели и коврами тех же оттенков. В сервировке блюд Матецкая была столь же тщательна: всё, что не вписывалось в цветовую гамму, посыпалось тёртым сыром или заливалось сливочным соусом, а сверху украшалось маслинами.

Вера натирала полотенцем белые тарелки из тонкого фарфора, расправляла складки ажурной скатерти. Прикосновения к изящным предметам неожиданно оживили детские воспоминания, будто они затаились в кончиках пальцев, развернули картины вечерних чаепитий на Ялтинской даче или праздничных застолий в квартире на Мойке.

Доставая бокалы из серванта, Вера не удержалась и погладила его округлую полированную поверхность.

– Как сменишь свою комнату на квартиру, познакомлю тебя с мастером-краснодеревщиком. – Алла заметила её восторг. – Изумительные вещи творит. Восстанавливает антиквариат и по его образцам мебель делает.

– Своя квартира, скажешь тоже! – Вера восприняла слова Матецкой как шутку. – Мне комната после подвала за счастье.

– А ты не скромничай, будь смелее в желаниях. Не чудо загадываешь.

За час до прихода гостей Вера побежала домой приводить себя в порядок. Освежилась под душем и надела платье в горошек, купленное ещё до рождения Нади. Наскоро заколола волосы. Подошла к зеркалу: вид скромный, но вполне приличный. Представила себя в этом тёмном наряде среди кремовых тонов квартиры Аллы. Да, для бедной родственницы, которую позвали помочь обслужить гостей, выглядит она неплохо.

Бабушка никогда бы не позволила себе даже перед близкими показаться небрежно одетой, не говоря уже о том, чтобы гости спутали её с прислугой.

Вера достала из глубин шкафа чехлы с нарядами, что дарил Исгар и шила портниха Анетты. После расставания с демоном Вера считала, что больше не имеет права быть красивой. Ни к чему изображать благополучие в этой сиротской жизни.

«Кому и что я пытаюсь доказать? Ему нет и не было до меня дела».

В первом чехле оказалось шёлковое платье с расцветкой павлиньего хвоста, которое Вера надевала в Ялтинский ресторан. Она поскорее запаковала его: один вид вызывал боль.

В следующем, золотисто-коричневом, тоже из подаренных Исгаром, так и не довелось нигде показаться – оно не тянуло за собой воспоминания.

Вера тщательно причесалась и подкрасилась. В итоге яви-

лась, когда гости уже расселись за столом.

Алла не сразу узнала соседку в стоящей на пороге моднице.

– Ты умеешь удивить! – Снисхождение в свечении Матецкой сменялось уважением. Матецкая признала в няньке дочери равную себе.

Мужская половина гостей оживилась при появлении эффектной незнакомки. Вера отметила, что никого не смутила её хромота: на лицах не отразилась жалость или разочарование.

В доме Матецкой не говорили ни о работе, ни о планах пятилетки, ни о строительстве коммунизма. Вместо этого читали стихи, пели романсы и рассказывали забавные и остроумные истории. Поднимали бокалы за красоту, обаяние и таланты хозяйки. Пили в меру и только вино, что отнюдь не мешало непринуждённому веселью. Если бы Вера могла забыть, в какой стране и в какое время она живёт, то поверила бы, что оказалась в бабушкином мире, каким бы он был, не случись революции.

«Я ведь сама грезил в юности, в казахской колонии, о красивом доме, о большой семье, о приёме гостей. Может, и выдержала испытания только благодаря этому стремлению. Когда я забыла о той мечте? В войну, когда выживание стало единственной целью? После ранения в госпитале я уже понимала, что моих родных больше нет. Тогда я хваталась за любую возможность, чтобы вернуться на фронт, а не сгинуть

в захолустье тыла. С Павлом я была готова жить и в деревне, но Исгар всё разрушил».

После ухода гостей Вера осталась помочь с уборкой. Когда покончили с мытьём посуды, Алла достала вино и два бокала.

– Восстановим силы. Люблю приёмы, хотя они меня и выматывают.

Вера вытерла руки, достала из лифа платья обручальное кольцо и надела на палец. Матецкая наблюдала.

– Сколько уже вдовеешь?

– Скоро семь лет. Но это другое. Надя не знает о втором муже. Она тогда по больницам и детсадам длительного пребывания жила.

– Я и не скажу. И что с ним?

– Оставил. Почти три года назад. Сама виновата.

– Хм, не удивила. Всегда женщина виновата. Вернуть не пыталась?

– Пыталась. Даже в ногах валялась.

– Неубедительно, значит, валялась.

– Ну, тебя при этом не было. Сама-то что мужа не вернёшь?

– Не хочу. Надоело под его обожающим взглядом сволочью себя чувствовать. Не переводи разговор. Три года, говоришь, прошло? Так плюнь и разотри. Что теперь, до седин скорбеть? Вон как на тебя сегодня заглядывались. Заметь, не

последние люди в городе. Одно ласковое слово – и устроила бы свою судьбу.

– Да не могу я. Пыталась. Только пустота и разочарование. Будто тебя летать научили, а потом крылья отобрали и ползать заставили.

– Ого, да ты метафорами заговорила. Даже интересно, что же за мужик так тебя околдовал.

– Демон.

– А-а, все они демоны, когда тебя добиваются. Не успеешь оглянуться, а рядом уже боров.

Вера не стала спорить.

Глава 3. Преемница

В середине декабря Валентина Фроловича провожали на заслуженный отдых. На смену ему прочили молоденькую Валью Пищулову. Она всего год назад устроилась в поликлинику, но уже успела занять покровителя из руководства. Не брезгующие подхалимажем даже шутили, что сам Бог велел заменить Валентина на Валентину. Оставалась самая малость – утвердить кандидатуру Пищуловой на совещании у главврача, что представлялось чистой формальностью. До тех пор, пока в зал заседаний не вошла Матецкая. Она не имела отношения к делам детской поликлиники, однако Аллочка была представителем профсоюза, что давало ей право вмешиваться в административные процессы.

После объявления о вакансии слово взял замглавврача по лечебной части Вербицкий Виктор Викторович, мужчина энергичный, моложавый, хотя ни для кого не было секретом, что ему минуло пятьдесят.

– Товарищи, в этом месяце мы прощаемся с ветераном нашей поликлиники Кричевским Валентином Фроловичем. Не буду перечислять заслуг уважаемого коллеги, но сейчас мы должны решить, кто придёт ему на смену. Четвёртый участок – непростой объект. Здесь живут наши медицинские работники, которые вынуждены порой сутками нести дежурство. Я долго думал, кому мы можем смело доверить здо-

ровье наших детей. И пришёл к выводу – уверен, что выражу сейчас мнение подавляющего большинства – участок Валентина Фроловича следует передать Пищуловой Валентине Тихоновне. Она проработала в нашем учреждении год с небольшим и за этот срок показала себя блестящим специалистом...

– И бездарным диагностом. – Матецкая поднялась со своего места, помахивая папкой. – Здесь история болезни Плотникова Вани девяти лет. Все помнят недавнее разбирательство? Пищулова отправила ребёнка на госпитализацию в кардиологию с предварительным диагнозом врождённый порок сердца, не проведя при этом всестороннего обследования. За потерянное блестящим специалистом время мальчик едва не поплатился гипогликемической комой. Объясните мне, как рекомендуемый вами врач мог не распознать диабет, да ещё и спутать его с пороком сердца?

– Алла Владимировна, вы преувеличиваете. – остановил её главврач. – Никто не застрахован от ошибок при смазанных симптомах.

– Смазанными они стали после оперативного вмешательства Вербицкого. У Пищуловой ошибки случаются слишком уж часто. История Плотникова – далеко не единственный пример халатности. Я, как и многие из присутствующих, проживаю в доме четвёртого участка. И у меня есть малолетняя дочь, которая рискует оказаться в руках безграмотной недоучки. Зато у Виктора Викторовича сыновья давно

вышли из детского возраста, благодаря чему он надеется, что супруга останется в неведении по поводу его протеза.

Матецкая подошла вплотную к председательскому столу.

– Алла, что ты себе позволяешь?! Да я тебя... – Голос Вербицкого дрожал от ярости.

– Виктор Викторович, вы мне угрожаете? Серьёзно? Вы надеетесь, что коллектив простит вам безнравственность из страха поссориться с замом?

– Ха, кто бы говорил о нравственности, – раздался ехидный шепоток за спиной.

Алла резко обернулась. Высказаться ей в лицо желающих не нашлось. Матецкая выдержала паузу и продолжила:

– Товарищи, меня удивило, что ваш выбор пал на Пищулову, в то время как с вами работает ветеран и инвалид войны, человек с богатейшим опытом, полученным во фронтовом госпитале, в районе Крайнего севера и Ленинградской детской травматологии. Я говорю о Горюновой Вере Алексеевне. Эта самоотверженная женщина, вдова с ребёнком, вынуждена с искалеченной ногой обходить больных по бездорожью. Это же вопиющее безобразие!

Главврач постучал карандашом по столу, обращая внимание Матецкой на себя.

– Алла Владимировна, я не против Горюновой, но она пришла к нам всего четыре месяца назад. И потом, надо согласовать её кандидатуру...

– Не говорите ерунды. Вы знаете порядок: вносите в про-

токол и ставьте на голосование.

Под пронзительным взглядом Матецкой присутствующие в единогласном порыве взметнули руки «за». Ссориться с представителем профсоюза никто не рискнул.

Алла перехватила Веру перед началом приёма.

– Тебя поставят на участок Кричевского. Только что утвердили. Вера, будь осторожна. Не исключая, что Вербицкий не побрезгует кознями.

Глаза Матецкой ещё блеснули возбуждением борьбы, щёки покраснелись. Свечение же переливалось фиолетовыми искрами. Для Аллы противостояние было игрой.

– Твоими стараниями назначили?

– Я обещала, что в долгу не останусь. Слово держать умею.

Алла ушла, не дожидаясь благодарности, а Вера потянулась к Вербицкому. Свечение пронизывали ниточки тревоги. Они вели к застарелому страху, уже ставшему привычным монотонным фоном. Вербицкий не чист на руку? Да, его беспокойство связано с работой. Зам оказался ещё и талантливым снабженцем. Вспомнилось, как каким-то непостижимым образом он раздобыл дефицитные медикаменты. И недавние восхищённые перешёптывания о том, как ловко Виктор Викторович решил проблему с нехваткой радиаторов в отделении физиотерапии, выменяв выделенные стройматериалы для неактуального косметического ремонта на дополнительные секции батарей, которые на протяжении

нескольких лет не могли предоставить поликлинике. Но наряду с благими делами, Вере вспомнился недавний эпизод в гардеробе. Валентина сняла пальто, кто-то из женщин восторженно ахнул, увидев на её груди золотую брошь в виде букетика. Пищулова смутилась, даже прикрыла украшение рукой, но тут же фальшиво рассмеялась и заверила всех, что это дешёвая бижутерия. Ещё была яркая сумочка – якобы подарок родителей на день рождения. И воротник из чернобурки – купила за бесценок у подруги, которая сменила пальто на шубку.

Вербицкий не опустил до мелких интриг. На следующий день, когда Вера направлялась в отдел кадров, зам поджидал её в крыле администрации. Схватив за плечо, втолкнул в свой кабинет и запер дверь.

– Откажись от участка!

Произнёс это сухо, с раздражением, будто досадуя, что Вере самой не хватило ума так поступить, а он теперь вынужден тратить время на глупые объяснения. Свечение полыхало злостью к Матецкой. Это Алле он мстил, сбрасывая её пешку с доски.

– А если не откажусь? – Вера догадывалась, чем может грозить ей неподчинение, но тянула время, чтобы разобраться в тайнах Вербицкого. Как ни странно, ярился он вовсе не из-за своей молодой пассии. В его свечении не было страсти к Валентине. Молодая любовница тешила самолюбия старе-

ющего ловеласа, но сейчас вызывала лишь раздражение.

Дорожил и гордился он только собственной значимостью и достигнутым положением, а единственная любовь была направлена на сыновей, своих продолжателей.

– Ты дура или притворяешься? – Зам терял терпение. – Думаешь, кто-то будет серьёзно расследовать падение врачихи в занесённый снегом колодец?

Вера чётко понимала, что нужно делать для своего спасения, но не знала, имеет ли на право на воздействие. Оставалось спросить у самого Ирия. Сформулировав вопрос, толкнула энергию призыва. И почувствовала вибрацию одобрения.

– Долго соображать ещё будешь? – просипел сквозь зубы Вербицкий. Вера отметила, что он ни разу не повысил голоса. Значит, опасается. Надо усилить его страх, подпитав ненавистью, направленной на Аллу.

Тревога в свечении вспыхнула сигналами опасности. Вербицкий сглотнул. Вера высвободила плечо из его хватки и невозмутимо спросила:

– Вы готовы уничтожить меня ради любовницы?

– Заткнись! – В шёпоте свистело бешенство.

Она вскинула брови.

– Разве это секрет? Валентина сама хвастается вашими подарками. Драгоценной брошью, мехом... – Вера открыла воронку, прошла к столу и опустилась в кресло. Вербицкий остался стоять перед ней. – Скажите, на каком курсе ваш

старший сын?

– Что?!

– Ваш сын, студент МГУ. На третьем, верно? Конечно, низкий моральный облик отца – не повод исключать способного юношу из ВУЗа. Но отец-растратчик меняет дело. Да, не удивляйтесь, я в курсе ваших махинаций. Мы давно следим за вами. Пока вы проворачивали свои делишки, заботясь о нуждах поликлиники, вам всё сходило с рук. Но спустать казённые средства на шлюху...

Зам двинулся на неё. Его заметно пошатывало: Ирий вытянул из него изрядно энергии. Вера усмехнулась:

– Виктор Викторович, вы так отчаянно стремитесь увеличить срок за растрату, что готовы нанести побои сотруднице при исполнении?

Резкий и требовательный стук в дверь лишил Вербицкого последних крох самообладания. Он вскрикнул, на лице выступили крупные бисерины пота.

– Да что ж вы дёргаетесь? Ведите себя достойно и откройте дверь. Это пока не за вами. – Вера не двинулась с места.

В кабинет, оттолкнув хозяина, фурией ворвалась Матецкая.

– Чего он от тебя требовал? Ты ничего не подписывала?

– Аллочка, что ты так нервничаешь? Я только собиралась идти в кадры за назначением, а Виктор Викторович дал мне напутствие и пожелал успехов на новом участке.

Алла с сомнением посмотрела на Вербицкого, бледного,

в испарине, с дрожащими губами. Вера взяла её под руку и поскорее вывела из кабинета.

Кричевский несказанно обрадовался своей преемнице:
– Я ведь вам говорил, а вы не верили. Как чудесно сложилось. Теперь я уйду со спокойной душой – мои пациенты в надёжных руках.

Валентин Фролович умер в первый же день своего заслуженного отдыха. После известия о смерти старого врача пересуды и сплетни по поводу назначения Горюновой стихли, будто устыдившись своей мелочной сути. Коллеги шептались, что работа для Кричевского была сродни воздуху. Он не смог жить без неё. А последнюю волю старика – передать свой пост Вере – никто теперь оспаривать не осмеливался. Кроме Валентины. После того злополучного совещания Вербицкий лишил её своего покровительства. Потеряв в одночасье престижный участок и любовника, она обозлилась на Веру, видя в ней причину всех своих бед.

Спустя неделю после похорон Вера почувствовала, что в поликлинике появился чёрный сгусток проклятия и поплыл к комнате отдыха, где в пересменок собирались врачи. Вера закончила приём, выставила щит и направилась туда.

Предположение подтвердилось: порчу принесла Пищулова. Тёмные струйки смерти устремились к Вере, пытаясь пробить защитную сферу.

Валентина резала пирог и щебетала:

– Девчата, буквально пять минут, выпьем чаю и разбежимся, кто на приём, а кто домой.

– Спасибо, я не хочу. – Вера спешила одеться и уйти.

Но от Вали не так просто было отделаться:

– Верочка, между нами в последнее время возникло напряжение. Пусть это чаепитие положит ему конец! – Пищулова протянула стакан с чаем, над которым клубилась чернота. – Прошу, не обижай меня.

Вера заглянула ей в глаза.

– Ты говоришь искренне?

– Конечно! Не дело в коллективе таить камень за пазухой.

Чёрное облачко отталкивалось от щита и возвращалось к Валентине. Она не могла видеть, как проклятие впитывается в руку, держащую стакан, и поднимается выше, заполняя собой тело и органы.

Вера взяла ставший безопасным чай, выпила, не отрывая взгляда от Пищуловой. Та наблюдала с радушной улыбкой и даже обняла Веру на прощание.

Только Вера ступила на порог квартиры, как навстречу выбежала Наденька:

– Мама, тебе с работы два раза звонили. Сказали, срочно возвращайся.

– Что за пожар? Я час назад ушла.

Она набрала номер. В трубке тут же раздался крик одного из педиатров:

– Вера?! Тут такое у нас... Пищулову скорая забрала!

– Что случилось?

– С лестницы упала. Кувырком скатилась. Лицо – в кровь, сознание потеряла. Вер, у неё больных толпа, выходи на приём. Я тоже часть возьму, отойду только, трясёт ещё...

Вручив Наде авоськи с продуктами, Вера поспешила обратно в поликлинику. По дороге просмотрела Пищулову. Лицом и сотрясением дело не ограничилось. Больше ей не быть красивой и не стать чьей-либо любовницей. Осколки раздробленных костей таза распороли кишечник и матку. Сейчас хирурги боролись за Валину жизнь и удивлялись, как при падении с небольшой высоты её угораздило получить такие травмы.

«Что же я наделала? Можно было нейтрализовать порчу, а обиды превратить в другие эмоции. Она же просто глупая девчонка! Девчонка? Нет! Она взрослый человек. Взрослый! Пошла к ведьме, чтобы известить меня. Разве её заботило, что станет со мной? И с Наденькой! Хватит! Хватит терпеть и уступать. Я тоже имею право на счастье, и больше никто не посмеет встать на моём пути».

Глава 4. Мечта

Каким-то непостижимым образом коллеги почувствовали связь между назначением выскочки Горюновой на участок Кричевского и последующими бедами с Пищуловой, вплоть до нелепого падения, превратившего её в калеку. Теперь Вера вызывала чуть ли не суеверный страх. Её сторонились.

Она же едва заметила появившееся отчуждение. У неё появилась новая цель, занимающая все мысли – отдельная квартира. После работы Вера обходила магазины, присматривая мебель, светлые ковры и портьеры, как у Аллы. Иногда покупала понравившуюся скатерть, настенные часы или вазу и тут же бежала показывать Алле, одобрит ли.

Алла стала не только примером безупречного стиля, но и единственной близкой подругой. Конечно, Вера понимала, что покровительство Матецкой – плата за заботу о дочери, но всё чаще замечала проблески искренней привязанности в свечении Аллы. И Рита вовсе не была обузой, где одна, там и двое. Зато у Наденьки есть подруга, почти сестра.

Вера помнила наставление Исгара следить за дочерью, но не видела никаких причин для тревоги. Надя казалась безмятежной и радостной, быстро освоилась в школе, ни с кем не ссорилась, хорошо училась, с удовольствием занималась лыжами и пела в хоре, куда за компанию записалась и дочь Аллы. Вера надеялась, что вместе с подвалом из жизни до-

чери исчез страх и одиночество, ей больше не нужно искать спасения у Ирия. И с ней теперь Рита.

Причина Ритиногo безупречного поведения крылась в беззаветном служении Божеству. Она с радостью позволила бы взять себя в рабство, если бы этим смогла снискать одобрение матери. И продолжала со страхом и надеждой ждать каждой встречи. Вдруг именно в этот раз у мамы появится время поговорить с ней.

В начале весны тётя Вера сказала Рите, что мама придёт за ней в воскресенье и весь день они проведут вместе. Рита даже икать начала от волнения и два дня до выходных всё думала, о чём самом важном надо рассказать маме.

Мама пришла, как и обещала, воскресным утром. Деловито осмотрела Ритину одежду, брезгливо откидывая «на тряпки» всё износившееся и малое. Затем объявила, что они едут по магазинам за новыми вещами.

Раньше об этом заботился папа. Мама, хоть и была Божеством, не знала, в каком магазине продаётся бельё, а в каком – обувь, поэтому нервничала и раздражалась. Рита поняла, что лезть с разговорами сейчас не стоит.

К вечеру, когда Рита уже потеряла надежду, Божество само обратилось к ней:

– Расскажи, как дела у тебя?

Вопрос прозвучал так неожиданно, что Рита растерялась. Мысли толпились в голове, насакивали друг на друга. От

волнения она не могла сосредоточиться и выбрать главную. А мама уже теряла терпение:

– Что ты бормочешь бессвязное? В кои-то веки у матери появилось время поговорить, а она лишь рот как рыба открывает. Нельзя просто ответить, что всё хорошо?

Горький спазм сдавил гортань. С того дня при встречах с Божеством Рита всегда чувствовала холодную руку страха на горле. И молчала.

Как-то летом тётя Вера замесила тесто и позвала Риту с Надей лепить пирожки. Раскалённое масло чадило, наполняя кухню сизым кумаром. Пришлось распахнуть не только окно, но и входную дверь. Тётя Вера жарила и руководила лепкой:

– Надюша, ты что такие мелкие делаешь? Это пельмени, а не пирожки! Мы так до зимы не управимся.

– Тётя Вера, это вареники, они же с картошкой!

– Значит, будет нам на новый год таз вареников.

Надя захихикала, Рите тоже стало смешно.

– Мама, а когда сладкие будем лепить?

– Сначала с картошкой надо закончить. Но если так не терпится, добавь повидла. Рита, ты любишь картошку с повидлом?

Рита зажала рот ладошками, выпучила глаза, но тут же рассмеялась заливисто и звонко.

– Вот так, значит... – В дверях кухни стояло Божество. –

Щебечет, хохочет, только для матери слова выдавить не может.

Голос мамы дрожал, по щекам катились слёзы. Тётя Вера увела её в комнату. Рита прокралась за ними, села под дверью и слушала рыдания матери.

– Что я ей сделала? Всегда одно: молчит и смотрит обвиняющее. Как будто знает, из-за чего отец ушёл. Да я живу ради неё только...

Рита поняла, что заставила Божество страдать. И видела лишь один способ искупления – замолчать для всех.

Веру не удивило молчание Риты, ту слишком потряс срыв матери.

«Ничего, к школе заговорит, ей же отвечать на уроках придётся», – успокаивала себя Вера.

Пришёл сентябрь, а Рита по-прежнему молчала. Свечение потускнело под плотным налётом вины. После первой двойки Вера встревожилась не на шутку и решила, что пора признаваться Алле. Та, не копаясь в причинах, отправила дочь на обследование и лечение.

Светила медицины не нашли физиологических причин немоты. Когда же один из профессоров посоветовал показать Риту психиатру, Матецкая спешно свернула эпопею с обследованием и, дабы дело не закончилось спецшколой, сделала дочери справку о редком спазме голосовых связок. Теперь на уроках Рита отвечала письменно, и для всех про-

блема казалась решённой.

Надя быстро смирилась с молчанием подружки. О чём говорить, если они и так всё время вместе? Рита даже в хор продолжала ходить, правда, сидела в углу на стуле и ждала, когда закончится занятие.

Однажды после уроков во дворе школы Надю остановили одноклассницы. Командир октябрятской звёздочки Нора Барышкина взяла Надю за руку и отвела в сторону.

– Горюнова, как тебе не стыдно дружить с обманщицей?

– Кто обманщица? – удивилась Надя.

– Кто-кто? Будто не знаешь! Ритка твоя! Притворяется, что говорить разучилась, её только письменно спрашивают. Письменно кто хочешь ответит! Она пятёрки получает, а в нашей звёздочке успеваемость падает.

– Но... – Надя понимала, что сейчас надо защищать Риту, но сама вдруг онемела, в висках застучали молоточки, перед глазами замельтешили мушки.

А Барышкина продолжала наступать:

– Что «но»? Скажешь, она не притворяется? А кто в первом классе разговаривал? Что же с ней случилось? Язычок откусила? Он на месте, я видела.

Надю тошнило, она хотела уйти, но Барышкина вцепилась ей в рукав.

– Так что, Горюнова? Так и будешь заступаться за обманщицу? Значит, ты сама лгунья. А ещё будущая пионерка!

Из-за таких как вы с Матецкой наша звёздочка с первого на третье место сползла. Вас надо из октябрят исключить!

Надя попыталась выдернуть руку из Нориной хватки. Слабо проговорила:

– Пусти. Я с ней не дружу, меня мама заставляет.

Барышкина выпустила рукав. Надя, не дожидаясь Риту, побежала домой.

Незадолго до нового года сияющая Вера вбежала в кабинет к Матецкой. Расстегнула пальто и рухнула на стул, обмахиваясь папкой.

– У меня потрясающая новость! Дай воды – в горле пересохло.

Алла плеснула в стакан из графина, протянула Вере. Та жадно выпила и продолжила:

– Я сейчас бегу в жилкомиссию за ордером. Не могла пройти мимо и не поделиться.

Алла помрачнела:

– Это хорошо, что зашла. И где?

– На Свердлова. Дом сдают в феврале.

Матецкая заходила по кабинету.

– Вера, зачем тебе переезжать в эти курмыши? Новостройка! Там ещё три года в грязи по колено будешь вязнуть, пока район обустраивают. До работы и участка час добираться. А Надя? Ты о ней подумала? Ей же школу менять

придётся!

– Ой, Аллочка, это такие мелочи! Ты не представляешь, как я устала от общежитий и коммуналок с их вечной толкотнёй на кухне, очередями в туалет и ванную. У Сафоновых маленький ребёнок, кричит ночами, спать не даёт. Скоро и у Лысенко родится. Алла, ты не понимаешь, я только и мечтала об отдельной квартире.

Матецкая теребила выбившуюся из причёски прядку.

– Да, об этом я не подумала. Вера, послушай, зачем тебе отказываться от трёшки?

– Да кто ж мне её даст? Нам с Надей больше однушки и не полагается.

Алла вернулась за стол и сдавила виски пальцами. Белый лоб прорезали морщинки. Через пару минут взгляд прояснился, и она решительно схватилась за телефон.

– Лидочка, будь добра, сделай мне справку. Нет, не на меня, на Горюнову Веру Алексеевну, двадцать третьего года рождения. Беременность. Срок девять недель. Всё, спасибо, дорогая, сочтёмся. Она сама зайдёт. – Алла положила трубку и сказала: – Так, Сафонов у нас окулист, в Былинске такие кадры в цене. Кто вторые соседи?

– Лысенко травматолог, молодой специалист. Алла, я не понимаю, какая беременность?..

Матецкая подняла раскрытую ладонь, останавливая поток Вериных вопросов.

– Слушай меня внимательно. Сейчас ты пойдёшь в жилко-

миссию и откажешься от ордера в пользу Сафоновых. Я прослежу, чтоб квартиру выделили именно им. Далее. Лысенко мы предложим отработку в селе. Отдельный дом, свежие продукты, хозяйство, двойная ставка за повышенную сложность. А по истечении срока – предоставление отдельного жилья. Думаю, они не откажутся. Ты же идёшь в гинекологию, забираешь справку и бегом в ЗАГС. Паспорт с собой?

– Да. Алла, что ты задумала?

– Всё просто, глупышка. Раз ваша семья мала для трёшки, значит, надо её расширить. Ты выйдешь замуж!

– Как замуж?!

– Не переживай. Фиктивно. Супруга увидишь только на подаче заявления, при регистрации и разводе. Ему нужна прописка для устройства на работу. Так вот, тебе со свидетельством о браке, справками о составе семьи и беременности нужно снова обратиться в жилкомиссию о предоставлении более просторного жилья. Поскольку соседи по коммуналке к тому времени будут сидеть на чемоданах, за тобой оставят преимущество в распределении остальных площадей.

В марте Вера, став полноправной хозяйкой трёхкомнатной квартиры, праздновала захват освободившихся в коммуналке комнат. Поскольку приглашена на торжество была одна Алла, событие не стали притворно именовать новосельем.

Матецкая генеральским тоном указывала, как лучше рас-

ставить мебель, что заказать у краснодеревщика, в каких тонах оформить детскую. Вера внимала, полностью доверяя вкусу подруги. Разошлись только во мнениях, какой должна быть комната хозяйки. Алла настаивала на спальне с широкой кроватью, Вера хотела кабинет с библиотекой и кушеткой для сна.

– Так и будешь остаток жизни скорбеть по своему демону? Думаешь, он оценит верность?

– Да нет той верности уже давно. Ал, а этот мой новый муж, он ведь сможет при разводе разделить квартиру?

– Ха, пусть рискнёт. Верочка, болезнями сердца страдают не только добропорядочные советские граждане. Криминальные элементы тоже испытывают чувство признательности за спасение жизни. Хотя, если вспомнить, как ты разобралась с Вербицким, не думаю, что тебе потребуется моя помощь.

Вера собралась было объяснять, что произошло между ней и замом, но Матецкая вдруг заявила:

– Тебе пора вступать в партию.

– Ты с ума сошла? Я, дочь врага народа, и партия?

– Времена меняются. Сейчас в приоритете твои боевые заслуги, а не прошлое родителей.

– Я бы не хотела... Это было бы предательством по отношению к родителям и бабушке.

– Вера, пойми, это условия игры. Хочешь добиться большего – соблюдай правила. Или ты так и собираешься всю

жизнь просидеть рядовым педиатром?

– А что в этом плохого?

– Ничего. Всё настолько пристойно, что с тоски сдохнуть можно. В общем, это не обсуждается. Завтра начнёшь штудировать Устав КПСС, считаешь материалы XX съезда и последнего пленума. Потом скажу, к кому подойти на счёт рекомендаций – без них заявление не примут. В октябре поедешь на курсы повышения, а до этого мы с тобой отдохнём. Ты любишь Крым?

– Как я поеду? А девочки?

– Да что ты как насадка! На лето девочек отправим в лагерь, а на время твоей учёбы путёвки им в санаторий возьму.

Глава 5. Планерское

В июле Вера с Аллой сняли дачу в посёлке Планерском, бывшем Коктебеле. Причуды Матецкой в выборе места для отдыха удивили Веру. Она думала, что Алла предпочитает санатории или пансионаты для избранных с вышколенным персоналом, по сути – прислужой, но никак не деревенский домик с садом, заросшим травой.

– Мне это лизоблюдство во уже где. Хочу расслабиться, почувствовать себя женщиной, которую положение ни к чему не обязывает, – ответила Алла и тут же преобразилась в легкомысленную курортницу. Строгую причёску сменили зазорные косы, деловые наряды – белые сарафаны. Через неделю, Аллы загорела в бронзовый и стала похожа на шоколадное пирожное, залитое сливочным кремом.

Однажды утром Матецкая объявила, что сегодня они пойдут загорать на удивительный пляж. Вера ожидала, что Алла приведёт её в потрясающее по красоте место, тихое и пустынное. Но долгий поход по берегу бухты закончился на обычной каменистой полоске с небольшим количеством людей. Лишь вблизи стало понятно, что на тех нет купальников.

Вера остановилась:

- Зачем мы сюда пришли?
- Чтобы получить ровный загар.
- Да перед кем мне им хвастаться?

– И заодно решить эту твою проблему.

– Я не разденусь!

– Дорогая, в компании голых людей скромничать неприлично.

Алла остановилась недалеко от воды, без раздумий скинула сарафан и нырнула в волны. Вера расстелила покрывало и уселась с воинственным видом, твёрдо уверенная, что никакие уговоры Матецкой не заставят её расстаться с платьем. Однако купание Аллы затянулось, а находиться в одежде среди обнажённых оказалось почти так же неловко, как и голой в приличном обществе. В конце концов под пристальными взглядами Вере стало так неудобно, что она быстро разделась и улеглась на живот. К счастью, вернувшаяся Алла не стала язвить по поводу новообращённой в нудистскую религию, а молча вытянулась рядом.

– Это всё ради ровного загара?

– Нет. Ты разве не чувствуешь единения с природой, когда находишься на её лоне в первозданном виде?

– Для единения одежда не помеха. И потом, у меня уже был такой опыт, только не на глазах у толпы незнакомцев. Тут же посёлок как на ладони. Кстати, нас патруль не заберёт за аморалку?

– Нет. По берегу и с моря пока доберутся, все одеться успеют. А скалы здесь слишком крутые. Вер, ну неужели тебя не волнуют эти взгляды?

– Ещё как волнует!

– Я не об этом. Понимаешь, я ощущаю себя живой в этом месте. Чувства обостряются, как у девственницы перед первым соитием. Стыд и восторг одновременно.

– Уж восторга я не почувствовала.

– Ой, хватит! Твой печальный первый опыт давно перекрыт более приятными воспоминаниями. Лучше оглянись вокруг. Мужчины без чинов и регалий предстают в истинном свете. Видишь того павлина, что прохаживается по полосе прибоя? Как он красуется, демонстрируя размер своего хозяйства.

– Мерзкий тип. Одно чванство на лице.

– А он считает, что неотразим. Только не всякой женщине дано оценить его по достоинству.

– Я точно не из их числа.

– Ты ему и не интересна.

– Конечно, куда мне, хромой.

– Красота для него фактор важный, но не главный. За преданный и восхищённый взгляд он простил бы тебе недостаток. Причём с радостью, потому как его добродетели на твоём фоне воссияли бы ярче.

– Во век бы отблагодарить не смогла.

– Века и не потребуется. Через неделю ты бы его разочаровала. А тот заморыш мог бы боготворить и целовать следы твоих ног. Собственно, он тут лишняя фигура, поскольку и на обычном пляже чувствует себя неуютно, но только здесь он может смотреть на обнажённых женщин.

– Зачем ты так о нём? Тихий и беззлобный человек. Наверное. – Вера рассматривала свечение мужчин. Алла определяла их характеры предельно точно.

– Так познакомься. Курортный роман тебе обеспечен. Правда, несчастный утопится после разлуки с тобой.

– Спасибо, я приехала отдыхать, а не кормить рыб телами безутешных влюблённых.

– Ну, а этот шkodник вырвался из-под контроля жены. Видишь, каким озорством блестят глазки? Он будто подросток, который притворяется взрослым. На настоящий роман не отважится, оказаться здесь – уже целое приключение для него.

– Алла, ты сейчас уничтожила всякое достоинство мужчин и говоришь, что их взгляды тебя заводят?

– Разогревают. Но интересен мне другой контингент. Эти не будут пялиться. Они здесь ради изысканной игры. – Матеевская кивком указала на двоих загорающих. Один, с русой бородкой, вальяжно развалившись на спине, читал книгу. Второй курил и наблюдал за кружившими в небе планерами.

– И что ты собираешься делать? Подойдёшь и скажешь: «Ветер так заманчиво шевелит ваши лобковые волосы. Вы голые, мы голые, это прекрасный повод для знакомства»?

– Нет. Не обращай на них внимания, и через пару дней они сами к нам подойдут. А пока разгоняй свои застоявшиеся женские соки под прицелом страждущих. Поверь, это вдохновляет.

Однако Вера не чувствовала никакого вдохновения. Мужские тела, худые и полные, гладкие и волосатые, спортивные и далёкие от идеала, с пенисами всевозможных форм и размеров вскоре перестали её смущать, но их вид не возбуждал в ней желания, а порой даже вызывал отвращение.

Неожиданно приятным в этой сомнительной аванюре оказалось купание нагишом. Тугие завязки купальника не сковывали движений, вода ласково массировала обнажённую кожу. Открыв для себя это удовольствие, Вера больше не сопротивлялась походам на дикий пляж, но почти не вылезала из моря, чем порядком раздражала Аллу.

– Ты просолиться хочешь или рыбий хвост отрастить? Между прочим, наши юноши начали кидать заинтересованные взгляды. – Алла прикрыла Верины мокрые плечи полотенцем

– Твой гениальный план заключался в том, чтобы не обращать на них внимания. Что я и делаю. Теперь извини, меня медузы ждут. – Вера вновь скрылась в волнах.

Отплыв далеко от берега, она раскинулась на воде и наслаждалась контрастом прохлады со спины и жаром южных лучей на груди и животе. Волны убаюкивали. Вера очнулась от лёгкого прикосновения к лодыжке, затем почувствовала движение под собой. И тут прямо перед ней вынырнул мужчина. Сжавшись от неожиданности, она с головой ушла под воду.

Крепкая рука обхватила плечо и вытянула на воздух.

Незнакомец держал Веру, не давая вновь окунуться, пока она откашливалась и отплёвывалась.

– Простите, я идиот. Шутка оказалась глупой.

– Вы... вы ненормальный! Что... себе позволяете?! – Из-за хлынувших слёз Вера не видела, с кем говорит.

– Ещё раз простите, не думал, что так вас напугаю.

Ей наконец-то удалось отдышаться и протереть глаза. Шутником оказался бородач с пляжа. Вера опомнилась, что она голая, как и мужчина, который всё ещё держал её. Резко оттолкнув его, устремила к берегу. Бородач последовал за ней.

– Вы что, преследуете меня?

– Я не могу вас оставить. Вдруг утоните.

– Да идите!.. Плывите вы куда подальше!

Он не подчинился. Вера посмотрела свечение: ни тени агрессии, любопытство, лёгкий конфуз и игра. Фиолетовые искорки танцевали среди слабых розовых мерцаний.

«Ну и чёрт с ним, пусть гребёт, не буду обращать внимания».

На полпути она выбилась из сил, но предпочла бы утонуть, чем перевернуться на спину и отдохнуть. Сцепив зубы, продолжала работать дрожащими от напряжения конечностями. Наконец ноги коснулись дна. Она встала так, чтобы вода прикрывала грудь. Жадно хватала воздух открытым ртом.

– Вам помочь? – Бородач остановился рядом.

Вера замотала головой. Злость на него сгорела в усталости, оставив лишь лёгкое раздражение.

– Что вам взбрело в голову? Зачем вы подкрались?

– А как я ещё мог с вами познакомиться? Вы же поселились в воде.

– Вы не подумали, что я не желаю знакомиться?

– Скажите, вы впервые в таком месте? Приходите за компанию с подружкой?

– Это так заметно? – Вера вдруг почувствовала себя ребёнком, который впервые самостоятельно едет в трамвае и старается сделать всё правильно, чтобы окружающие не распознали в нём новичка.

– Да. – Он улыбнулся без издёвки, – Вы стараетесь ни на кого не смотреть, да и вообще ведёте себя так, будто все вокруг в одежде.

Вера прыснула смешком.

– Я выгляжу такой дикой?

– Не смущайтесь. Привычка вести себя естественно вырабатывается не сразу.

– А вы, как посмотрю, давно здесь освоились.

– Позвольте напомнить, что вы уже несколько дней разгуливаете нагишом, поэтому ваш сарказм выглядит нелепо. И вообще, меня зовут Роман. А вас?

Вера растерялась. Представиться или ответить на колкость? Роман расценил её молчание по-своему:

– Когда тайны тела раскрыты, единственное, что ещё мож-

но удержать в секрете – это имя.

– Наглость вы впитали вместе с загаром?

– Скорее, с местным свободным воздухом. В конце прошлого века творческая интеллигенция заметила захудалое селение на берегу живописной бухты, превратила его в дачный посёлок и основала здесь пляж для nudистов.

– В прошлом веке? Вы шутите?

– Отнюдь. Умели тогда развлекаться.

Вера вдруг почувствовала движение воды около груди. Ладонь Романа скользила в паре сантиметров от её тела, будто оглаживая его.

– Не смейте! – зло проговорила она.

– Что? Я ничего не делаю.

И правда, он ведь не прикасался к ней. Это была игра. Внизу живота затеплилось желание. А он продолжал рассказывать, будто не ведал о том, что творит его рука:

– Рай для отдыха устроил здесь помещик Юнге, потом эстафету перехватил поэт Волошин. Видели на набережной его дачу?

Вера покачала головой, распознав вопрос скорее по интонации. Её больше занимали подводные ласки. Накатившая волна едва не сбила с ног, Роман поддержал её, но отстранился после этого недостаточно, кожей она чувствовала тепло его тела, живота иногда касался мужской орган. Вера сгорала со стыда, но не могла заставить себя уйти. Ожившее естество требовательно заявляло о себе.

«Да что это со мной?! Я с ним едва знакома. Щёки горят. Наверное, выгляжу как идиотка».

– ... вид с моря особенно впечатляет. Застывшие вулканические потоки спускаются глубоко в воду. Даже прибой за миллионы лет не смог сгладить их рельеф.

– Что? Какие вулканические потоки? – Вера пропустила всё сказанное.

– Кара-Даг, древнейший вулкан. Последнее извержение было миллионы лет назад. Видите, со стороны моря камни чёрные. – Роман чуть коснулся её плеча и указал на гору на противоположной стороне залива. – Но ещё гипотеза о его космическом происхождении. Предполагается, что когда-то у Земли было два спутника. Однажды одна из Лун упала в море. Так и появился Крым.

– Откуда вы столько знаете?

– Провожу здесь уже седьмое лето. Много легенд и баек от местных собрал. Мы с другом уезжаем послезавтра, решили сегодня вечером напоследок пройти на моторке вдоль берега. В одной из бухт есть широкий выступ с гротом над ним. Можно остаться на ночь с палатками. Не желаете составить компанию?

«Послезавтра его здесь уже не будет. Если я откажусь, эта игра оборвётся и никогда не продолжится. Поздравляю, графиня Шувалова! Докатилась! Готова провести ночь с незнакомцем только потому, что он погладил твои прелести».

– Не могу ничего обещать. Мне надо посоветоваться с по-

другой.

– Думаю, она уже согласна. – Роман указал на пляж. Рядом с Аллой сидел приятель Романа. Парочка непринуждённо болтала и смеялась.

Вечером встретились на причале. Погрузили в моторку палатки, провизию, дрова для костра и отправились. Вера с Аллой устроились на носу. За мысом открылся вид на отвесную тёмную стену из застывших потоков лавы. Световые блики, отражённые от волн, играли на камнях, создавая иллюзию движения. Солнце катилось за горы, чёрные скалы Кара-Дага погружались в тень, превращаясь в гротескную мрачную твердыню. Уже в сумерках достигли бухты, заглушили мотор и вошли на вёслах. Скальный выступ выпирал над водой как крыло гигантской птицы. В стене под ним оказалось вбитое для привязи лодки кольцо и ступени. Вера так и не смогла определить, вырубил их человек или создала природа.

Пока ставили палатки, стемнело. Костёр разводили при свете фонарика. Вера с Аллой застелили плоский камень холстом и накрывали импровизированный стол. Роман со Славой – так звали второго – основательно подготовились. Фрукты, козий сыр, свежий хлеб и глиняная бутылка с вином картинно разместились в драпировках грубой ткани и в тёплом свете костра смотрелись старинным натюрмортом. Вера вдруг почувствовала, что снова живёт. Впитывает в себя этот

морской ветер, ночь, всполохи огня на чёрных стенах бухты, плеск волн, глухие удары борта лодки о камни. Этим утром проснулась не только её женская сущность – обострилось восприятие окружающего, будто смахнули пыль с рецепторов. Апатия, ставшая привычным состоянием после расставания с Исгаром, отступила.

Вера впервые за долгое время наслаждалась вкусом еды, запахами моря и костра. Роман травил байки о Карадагском чудовище, обитающем в подводных пещерах, Алла вскрикивала, изображая испуг, и прижималась к Славе. Скалы вторили эхом, множа звук её голоса.

Заглянувшая в бухту луна покрыла камни серебристым мерцанием, расстелила по чёрному атласу волн световую дорожку. Матецкая взвизгнула от восторга, сбросила одежду и прыгнула с выступа в воду. Вера только ахнула.

– Ненормальная! А если там камни? – крикнула вслед.

Алла смеялась. Слава нырнул за ней. Помахав на прощание, они поплыли в открытое море.

Очарование развеялось от первых прикосновений. Руки Романа больше не соблазняли игрой. Ласки раздражали, казались назойливыми. Тело не откликалось на них. Вера покорно исполняла всё, что от неё требовалось, но не испытывала никакого удовольствия. Позже, когда любовник уснул, она слушала возню и стоны в соседней палатке и пыталась разобраться в себе. Не о таком ли безразличии к сексу го-

ворил Исгар? Дар настолько изменил её, что телесный контакт утратил всякую значимость? Вера попыталась вспомнить, как это было с демоном, и не смогла вытянуть из прошлого ни одной подробности. Живо представлялся экстаз, но участвовало ли в нём тело? Или оно наслаждалось упоением души?

Утром вернулись в Планерское. Мужчины надеялись на прощальное свидание. Вечером договорились встретиться в ресторане.

Выспавшись после бессонной ночи, Алла прихорашивалась перед зеркалом. Вера оставалась в постели.

– Ты чего валяешься? Давай собирайся, нам выходить через час.

– Ты иди. Я останусь.

– Рехнулась? Как я одна заявлюсь? Вер, признавайся, что не так?

– Да всё так. Просто не могу его видеть.

– Он что, обидел тебя?

– Нет. Это сложно объяснить. Да и ни к чему. В общем, можешь не тратить время на уговоры, иначе опоздаешь.

Ни мольбы, ни скандал с шантажом не помогли. Обиженная Алла отправилась одна, пожелав напоследок, чтобы Веру заели угрызения совести.

На следующий день Вера не захотела идти на нудистский

пляж. Матецкая смирилась с неизбежным и поплелась с ней на поселковый. Безропотно отзагорав в человеческом муравейнике, на обратном пути Алла разразилась упрёками:

– Какая муха тебя укусила? Приятный, обходительный мужик встретился, так получила бы удовольствие, а после разъехались без всяких обязательств. Или... Вер, ты что, на дальнейшее рассчитывала?

– Не говори глупостей! Не могу я! И не спрашивай почему.

– Тут и спрашивать нечего. Верность своему демону хранишь.

– Да не в верности дело. Представь, что тебе отрезали руку и дали протезы на выбор: красивые, удобные, некоторые даже золотые. Только это всё равно подмена. А своё родное и отрезанное болит.

– Тебе голову лечить пора! Нет твоей руки, поэтому забудь и приспособляйся. Да оглянись вокруг! Жизнь продолжается. Вот оно, настоящее! – Алла указала на компанию, играющую в волейбол. Вера машинально проследила за её рукой и вдруг увидела Исгара.

Сходство было не только внешним. Движения, мимика, смех, голос. Только двойника окутывало человеческое свечение, знакомое, виденное раньше.

– Вер, что с тобой? Привидение увидела? – засуетилась испуганная Алла. Вера не ответила.

Мужчина почувствовал взгляд и обернулся. Пущенный в

него мяч пролетел над головой. Двойник бросил игру, перемахнул через парапет и оказался рядом с Верой.

– Кеша... – выдохнула она беззвучно. И разрыдалась, уткнувшись ему в грудь.

Колдун отвёл её под кусты акации, подальше от людских глаз:

– Вер, ну зачем ты так? Зараза, как неловко-то получилось. Я ж не думал, что когда-нибудь встречу тебя. Вер, на нас люди смотрят. Давай встретимся вечером, в восемь, на этом месте. Я тебе всё объясню. Хорошо? Ну, не плачь! У меня даже платка с собой нет. Так, договорились? До вечера?

Вериных сил едва хватило, чтобы кивнуть. Кеша подозвал стоящую поодаль Аллу и вернулся к компании.

– Это он?! – накинулась Матецкая.

Вера покачала головой:

– Его брат близнец, – проговорила сквозь слезы.

Алла усадила её на скамью, сунула в руки платок и унеслась куда-то. Вскоре вернулась со стаканчиком воды и вальерьянкой.

– Да, подруга, тут протезы не помогут. Ох, и влипла же ты, Верочка.

Они с Кешей не обговорили, куда отправятся. На всякий случай Вера оделась понаряднее. Однако он повёл её к пирсу:

– Тут нам не помешают. Если опять вздумаешь поплакать,

можешь не стесняться. Платков я взял с запасом, вдруг и мне понадобятся.

– А ты стал хорош в иронии. – Его шутки всё-таки вызвали у неё улыбку.

– Учителя были хорошие.

– От которых ты перенял не только манеру острить, но даже внешность.

– Это был подарок. Вернее, награда за службу. И я давно уже в отставке.

Иннокентий расстелил покрывало на тёплом бетоне, достал из рюкзака вино и бутерброды. Вера снова улыбнулась, вспомнив их тренировки и заботу колдуна о том, чтобы никто не умер с голоду.

– Кеша, как же я соскучилась. – Она не решилась его обнять. Скинула босоножки и уселась на краю пирса, свесив ноги. – Четыре года прошло. А будто и жизнь с тех пор другая началась.

– У меня уж точно.

– И моя теперь ничем не походит на прежнюю. Рассказывай, куда ты пропал тогда. Я о многом не успела тебя спросить.

– Вот потому он и велел мне срочно уехать. Вернее, сам всё сделал. Спросил только, как хочу выглядеть. Долго пришлось уговаривать. Проснулся я уже в Москве, в отдельной однокомнатной квартире. Устроился на работу, в институт поступил на вечернее, через два года диплом инженера по-

лучу. А ты как жила?

– Как во сне. Дурном. Что-то делаю, суечусь, но всё пустое, и цели мои какие-то мелкие, для того лишь, чтоб пустоту эту заполнить. Расскажи мне лучше о нём. Как он поступил с сыном?

– Вер, я правда ничего не знаю. С тех пор мы не виделись.

– Тебе досталось тогда за откровение?

– Нет. Он понял. Как видишь, даже наградил.

– И как тебе быть Исгаром?

– Да, как тебе сказать... Поначалу прыгал от радости, а потом привык и понял, что разницы-то особой нет, урод ты или красавец. Женщины, правда, унижать перестали, но по-прежнему не обделяют вниманием. Честно говоря, надоело это внимание до чёртиков. Встретить бы настоящую, чтоб семья, дети.

Долго сидели, объединённые общим молчанием. Как осколки прошлого, случайно оказавшиеся рядом в водовороте судьбы.

– Кеш, ты не потерял способности?

– Да вроде нет. Давно уже не пользовался.

– Соблазни меня!

– Чего-о?!

– Соблазни. Примени чары. Нет уже сил никаких о нём постоянно думать. Я же не живу, только и подпитываюсь от воспоминаний.

– Вер, я бы рад помочь, но это ж... Не могу я так.

– Что, не нравлюсь?

– Нет, что ты! Всегда нравилась. Но это неправильно будет.

– М-да, хоть он меня давно бросил, я всё равно остаюсь его женщиной.

– Прости, но ты сама выбрала ею остаться.

Разошлись молча, не прощаясь, понимая, что уже никогда не встретятся.

Глава 6. Перевёртыш

Вера собиралась на работу, когда заметила на тумбочке забытый Надюшей ключ с продетым в колечко шнурком. Похвалив интуицию, подсказавшую выйти сегодня пораньше, Вера сунула ключ в карман жакета и поспешила в школу.

Шла большая перемена. Было по-летнему тепло, и ребятня высыпала из классов во двор. Вера пробиравалась среди снующих детей, высматривая Надю. И вдруг увидела Риту. Она прижималась к стене, а окружившие девчонки по очереди бросали в неё мяч и выкрикивали: «Немая!» Рита виновато улыбалась и прикрывала руками лицо. Вера поспешила на выручку и тут услышала голос Нади:

– Получай, немая!

– Не смейте! – Вера схватила дочь за плечо: – А с тобой поговорим отдельно.

Отведя Надю за угол, подальше от толпы, Вера дала волю гневу:

– Как ты могла?! От тебя я такого не ожидала!

Свечение Наденьки окрасилось страхом, губы задрожали:

– Рита сама виновата! Она притворяется, чтобы не отвечать на уроках. У неё пятёрки, а наша звёздочка в отстающих.

– Надя, ты же знаешь, что это не правда! Значит так: сейчас мы вернёмся, ты извинишься перед подругой и больше

никогда не дашь её в обиду.

К страху добавились всполохи ревности, возмущения и отчаянного желания сбежать. Глаза Наденьки закатились, её затрясло. Веру откинуло в сторону, точно разрядом электричества. Дочь упала на землю и забилась в судорогах.

«Эпилепсия?! Надо зубы разжать и язык зафиксировать!» – Вера бросилась к Наде, но над той сформировался мощный энергетический щит, который невозможно было ни пробить, ни снять, оставалось только наблюдать за конвульсиями и нарастающей силой свечения, пока оно не взорвалось ослепительно белой вспышкой. А затем цвета сменились на противоположные прежним эмоциям. Фиолетовый перетекал в ультрамарин и сменялся изумрудным спокойствием.

«Это и есть перевёртыш, о котором говорил Исгар?»

Щит исчез, Наденька открыла глаза и осмотрелась с изумлением:

– Мама? Почему мы здесь?

Вера подскочила к дочери, помогла подняться и отряхнуться:

– Надюша, как ты себя чувствуешь?

– Хорошо. Что случилось?

– Ты потеряла сознание. Помнишь, как это было?

– Нет. Мы играли. А потом сразу здесь.

«Сознание заблокировало всё плохое. Сказать Исгару? А смысл? Если он раньше не видел, откуда она брала энергию,

то и сейчас не поймёт. Но из Ирия Надя не тянула. Я бы заметила. Нет, Исгар только напугает её. А ещё подумает, что я ищу с ним встречи».

Рита по-прежнему стояла у стены. Вера оставила дочь с подругой и хотела было отправиться на поиски учительницы, как двор огласили визги, крики и плач. К толпе детей спешили взрослые. Вера тоже подошла. Одна из девочек сидела на земле, изо рта хлынула кровь.

– Расступитесь, я врач! – Вера протиснулась к девочке и заглянула в рот. Кончик языка был откушен. – Срочно неотложку! И дайте чистый платок!

Показав школьной медсестре, как зажать рану, чтобы остановить кровотечение, Вера поднялась. Пора было торопиться на работу. Больше она ничем не могла помочь – тут нужен был хирург с инструментами.

А дети рассказывали друг другу о случившемся:

– Нора бежала, показывала язык и упала.

За всеми волнениями едва не забылось о ключе.

«Как же так? Как же так? – засел в голове вопрос. Вера спешила в поликлинику, а перед глазами стояла бьющаяся в конвульсиях Наденька. – Я же была уверена, что она в порядке. Ни страха, ни обид. И Рита всегда с ней. За что с ней так? За немоту? Почему же Надя не заступилась? Почему пошла на поводу? Испугалась преодоления? Да было бы чего бояться! Не колония же...»

На следующий день Вера всё-таки встретила с учительницей, рассказала о травле Риты и потребовала проследить за детьми. Для разговора с Матецкой Вера долго собиралась с духом. Алла же, как только поняла, в чём проблема, отмахнулась:

– Мне не до детских глупостей, голова другим забита. Пусть учится давать сдачи.

Как же сейчас не хватало советов Исгара! Вера не понимала, как учить Надю преодолению. Она ведь перевернулась от малейшей проблемы!

По вечерам стали читать книги, в которых выдуманные девчонки и мальчишки преодолевали трусость. Надя охотно обсуждала рассказы, но говорила не то, что чувствовала, а то, что хотелось бы услышать Вере.

– Надюша, а представь, если бы ты увидела, как хулиган обижает малыша, что бы ты сделала? – спросила она как-то дочь.

Вера надеялась, что Наденька выберет самое простое преодоление: поднимет крик или позовёт взрослых, но та побледнела, начинала нервничать, в свечении появились тревожные всполохи, и Вера отступала.

Вскоре началась учёба по повышению квалификации, девочки отправились в санаторий, и за всей жизненной кутерьмой детские конфликты отошли на задний план.

Впервые Наденька уезжала в санаторий с радостью, ведь Норе Барышкиной пришили язык и скоро она должна была вернуться в школу. Пока Нора болела, никто не заставлял наказывать Риту. Надя даже перестала убегать от неё, и домой они возвращались вместе, как раньше. Если честно, дружить с Ритой было хорошо, хоть и скучно. Она ведь понимала, что Надя наказывала её понарошку, и не обижалась.

Девочки ещё не знали, что к их возвращению Барышкина из задиры и заводилы превратится в посмешище. Что язык ей не пришили, а с тем обрубком, который от него остался, Нора будет картавить и шепелявить так сильно, что никто не поймёт ни слова.

Глава 7. Вяземский

Былинск менялся. Город поглощал деревню. На месте Кудесатово теперь шумел проспект Победы с новым кинотеатром и детским миром. От прошлого остался только исторический центр с причудливыми деревянными теремками.

Креп и Верин авторитет. Она никогда не ошибалась. О ней говорили как о непревзойдённом диагносте. А прозорливость и положение в профкоме привлекли к ней внимание главврача поликлиники, что пошатнуло положение Вербицкого. Зам всерьёз задумался о переводе и переезде, тем более что слухи о его романе с Пищуловой достигли ушей жены.

Праздничный вечер в честь нового 1958 года отмечали в недавно отстроенном ДК медиков. Столы расставили по периметру просторного зала торжеств, середина была отдана танцам. Вера с Аллой расположились на отведённых для профсоюза местах. После окончания официальной части с речами о важнейшей роли врачей в борьбе за дело коммунизма и пожеланий приближения его эры в грядущем году наконец-то заиграла музыка. К Матецкой подскочили сразу несколько желающих танцевать с ней. Следующий час она появлялась у стола только в короткие паузы, едва успевая сделать глоток газировки и промокнуть салфеткой разгорячённое лицо, как очередной поклонник вновь увлекал её в

кружение вальса.

Веру приглашать не решались. Оставшись в одиночестве, ей приходилось принимать поздравления подхалимов, ищущих дружбы с профкомом. Вскоре стол заполнили открытки, апельсины и коробки с конфетами. От души «навеселившись», она ждала очередного возвращения Матецкой, чтобы попрощаться и под любым предлогом покинуть праздник. Но Алла вдруг решила, что танцев с неё достаточно, оставила партнёра посреди неоконченной мелодии и упала на стул рядом с Верой:

– Устала до чёртиков. Старею. – Она залпом осушила бокал шампанского и тут же вновь его наполнила.

– Не напрашивайся на комплимент, сама знаешь, что хороша.

– Кто бы ещё оценил по достоинству.

– Как посмотрю, недостатка в ценителях нет.

– Ой, о чём ты! Эти ценят только положение. Посмотри на них: руки потные, в глазах – раболепство.

Вера окинула взглядом зал и вдруг увидела солнце. Между вальсирующих пар в их сторону направлялся молодой мужчина. В ярком свете праздничной иллюминации его волосы отливали золотом. Незнакомец вручил подругам по коробке конфет, навис над столом, склонившись к Матецкой и что-то проговорил чуть не в ухо. За музыкой Вера не разобрала слов, но на просителя тот не походил: взгляд уверенный и чуть насмешливый, да и двигался без нервной суеты.

Как только мужчина отошёл, Алла брезгливо отодвинула вручённый им презент:

– Отдашь девчонкам.

– Кто это?

– Кирилл Викторович Вяземский, новый гинеколог. Переведён к нам из Горького.

– На заискивающего он не похож.

– Этот ещё хуже. До прошений не опускается, поскольку считает себя неотразимым, а женщины, по его мнению, спят и видят, как бы ему угодить.

– Не безосновательно. Он хорош. И как же ты должна ему угодить?

– Посодействовать в одном деликатном вопросе. Его сиятельство с позором выперли из партии. И вообще из города.

– Уж не за неудобное родство ли?

– Не смейся мои тапочки! Это не родство. Холопов по барину записывали. А в немилость он за моральное разложение угодил. Юноша наш амбициозен. Студентом соблазнил дочь ректора. Когда выяснилось, что барышня беременна, её отец во избежание скандала устроил им свадьбу. Вяземский только того и добивался. Стараниями тестя успешно окончил ВУЗ и миновал распределения в захолустье. Но более в услугах благодетеля не нуждался. В продвижении по работе стали полезны другие люди. В один прекрасный день молодая жена заглянула в отделение и застала в объятиях любимого супруга его начальницу. Далее последовали скан-

дал и развод со всеми вытекающими. Он, конечно, клянётся, что не делал ничего дурного, лишь частным порядком проводил осмотр коллеги. Дескать, тесть в запале использовал своё влияние, чтобы сломать парню жизнь.

– А если и правда просто осматривал? – Вера поздно спохватилась, что не догадалась посмотреть свечение гинеколога.

– Верочка, не будь наивной. Я навела справки. – Алла зашептала в ухо: – Представляешь, он привязал заведующую отделением, даму с сединами, к кушетке и хлестал ремнём по голой заднице.

Вера вдруг представила себя на месте этой дамы и почувствовала жар внизу живота. Густо покраснела и поскорее увела разговор от порки:

– И что теперь?

– Да ничего. Восстанавливаем.

– Так ты ему веришь?

– Ни на грош. Но если мы будем раскидываться кадрами по всякой ерунде, из врачей в стране одни бабки-знахарки останутся.

Веру давно уже не удивляло лёгкое отношение Матецкой к супружеским изменам. Она и сама беззаботно окуналась в очередной быстротечный роман. Правда, в последнее время Алла будто потеряла вкус к любовным интригам. Может, и правда сказывался возраст.

– Мне показалось, что он увлечён тобой. – Вера хотелось

подбодрить подругу.

– Пф-ф, я тебя умоляю... Парню всего двадцать семь, зачем мне ещё один ребёнок? Пусть ищет другую покровительницу. Да и вообще, надоело всё. Вдруг захотелось чего-то надёжного, настоящего. Крепкого плеча рядом.

– Ты по мужу скучаешь?

– Нет. Тот слабый был, всё мне прощал, дышал с замиранием. А надо такого, чтоб обуздать смог, чтоб я сама боялась потерять его.

Оркестр смолк. Мужчины провожали дам к их столикам, танцевальная зона пустела.

– Я, пожалуй, домой пойду, девчонок спать пора укладывать. – В наступившей тишине Вера произнесла это чуть не шёпотом.

– Подожди немного. Главврач должен тост поднять. Уйти сейчас будет неуважением.

Речь начальника заняла не более пятнадцати минут. Вновь заиграла музыка. Вера принялась складывать в сумку гостинцы для девочек, когда боковым зрением уловила золотое сияние. Она подняла голову. Через полупустой зал к ним шёл Вяземский.

– Кажется, он по твою душу. Ну, удачи, подруга, повеселись тут.

Однако гинеколог поклонился Алле и протянул руку Вере:

– Вы позволите?

От неожиданности та чуть не выронила сумку, но послушно поднялась навстречу. Он заметил хромоту и растерянно захлопал глазами.

– Не смущайтесь. Для танца мне нужно только надёжное плечо партнёра.

Веру позабавил конфуз этого самоуверенного красавца. Но – стоило отдать должное его выдержке – он быстро взял и себя, и Веру в руки. После первых неловких шагов Вяземский освоился с поддержкой и даже завёл дежурный разговор ни о чём. Вера давала короткие ответы, а сама невольно вспоминала рассказ о порке. И изучала свечение гинеколога. Зачем пригласил? Она не увидела и следа симпатии к себе. Впрочем, к Алле он тоже не питал никаких чувств, желал лишь подразнить неприступную даму. Всю сущность нового коллеги составляли амбициозные стремления. И никаких привязанностей! С последними аккордами он проводил Веру к столу, холодно кивнул и тут же забыл о её существовании.

Членство в профкоме Вера воспринимала как формальную необходимость для продвижения и заглядывала только на обязательные заседания. Очередное пришлось на начало февраля. Вера немного опоздала, остановилась в дверях и высматривала в зале Аллу. Тут заметила золотую шевелюру Вяземского. Матецкая сама помахала ей. Вера тихонько прошла и присела на свободный стул рядом с Аллой.

– Давно наш гинеколог в комитете?

– Недавно. Но уже одолел своей активностью. Кирюша рвётся к вершинам и использует любую ступеньку.

По окончании Вера едва не столкнулась с Вяземским у выхода. Он равнодушно кивнул, пропуская её. Кажется, даже не вспомнил.

Вера зачастила в профком. В ней вдруг проснулась необъяснимая тяга к общественной жизни, а вместе с ней и к собственной внешности. В дни заседаний Вера особо тщательно наряжалась и прихорашивалась. Алла заметила перемены в подруге:

– Этот шик для Вяземского?

– При чём тут Вяземский? Я не могу выглядеть лучше для себя? Просто потому, что мне так хочется?

– Можешь. Но ничего просто так не случается. Да не тужишься! Я рада, что Кирюша оживил тебя, хоть он и не лучший представитель сильной половины.

Вяземский не просто привлекал Веру, ей казалось, что они похожи. Причина его холодности и сосредоточенности на карьере виделась в крушении личной жизни. Ведь Вера сама после расставания с Исгаром нашла спасение в работе. И тоже равнодушно относилась к противоположному полу. Но у Кирилла не было тепла даже к собственному ребёнку. Неужели бывшая семья обошлась с ним настолько жестоко, что стёрла эту любовь? Вера пыталась разобраться в его тра-

гедии, но стоило погрузиться в свечение чуть глубже, как вдруг почувствовала стыд, будто намеренно подслушивала секретные откровения или читала чужие письма.

«Ну его к бесу! Он не просил помогать. И я не на зада-нии. В конце концов, мне хватит сил разобраться на челове-ческом уровне».

Вяземский по-прежнему не замечал её и продолжал оста-ваться ледяным ребусом. Однажды Вера столкнулась с ним в узком проходе зала заседаний профкома и сама протянула руку для приветствия. Вяземский едва заметно усмехнулся и слегка коснулся её пальцев, будто боялся испачкаться, да-же не пожал.

Вера поняла, что поддерживать знакомство он не соби-рается. Для сближения придётся искать другой способ. Она уже подумывала симулировать женское недомогание, чтобы стать его пациенткой, как однажды поздним вечером к ней заявила Матецкая:

– Меня сегодня в гинекологию на консультацию вызыва-ли. Я в ординаторской блокнот забыла. Собирайся, у Вязем-ского ночное дежурство. Я останусь с девчонками.

Ординаторская оказалась заперта. В тускло освещённом коридоре только из-под двери смотровой виднелась полоска света. Там Вера и нашла Вяземского, занятого заполнением журналов.

– Добрый вечер. Извините, что так поздно, Алла Влади-

мировна оставила блокнот в ординаторской...

Он, не оборачиваясь, протянул ключи. Так же, не глядя на Веру, принял их обратно. Она переминалась в нерешительности. Попрощаться и уйти? И свести этим хитрость Матецкой на нет? А дальше снова ждать удобного случая для разговора?

Вяземский всё-таки оторвался от записей:

– Что-то ещё?

Вера неуверенно кивнула.

– Вы нездоровы?

– Почему вы так решили? Нет, я в порядке.

– Я рад. Если у вас ничего не болит – до свиданья.

Досадуя на собственную робость, Вера взялась за ручку двери.

«Он специально ведёт себя так, чтобы поставить меня в глупое положение? Или действительно думает, что я решила обратиться к нему с женскими проблемами? Так именно это я и собиралась сделать. Вера, смелее!»

– Простите, доктор, вообще-то меня кое-что беспокоит. – Она лихорадочно соображала, на что пожаловаться. Может, начать с отсутствия месячных в юности?

– Раздевайтесь!

– Раздеваться? – Вера надеялась, что он начнёт со сбора анамнеза, а не с осмотра.

– Вера? Я правильно запомнил? – Она кивнула. – Вера, я не окулист и не ЛОР. Если нужна моя помощь, придётся

раздеться.

Она подчинилась. Оставшись в одной блузке, собиралась уже взобраться в гинекологическое кресло, как Вяземский остановил её:

– На кушетку, пожалуйста. Ложитесь на спину. – Он помог ей устроиться, затем слегка развёл бёдра. – Ну? Приступайте!

– К чему?

– Ласкайте себя.

– Как? Зачем?!

– Как обычно это делаете.

– Я так не делаю!

– Значит, начинайте.

«Это какая-то дикая игра? Я ведь могу встать и уйти. И на этом всё закончится. Придётся принять правила. – Вера неловко коснулась лобка. Рука будто занемела. – На что он надеется? Я уже шесть лет не испытываю желания. От его презрительного взгляда чувства не проснутся».

Вопреки её уверенности, тугой узел внизу живота распулся, разливался теплом по бёдрам. Естество просило большего. Она потянулась к Вяземскому. Он грубо оттолкнул её руку:

– Не отвлекайтесь!

От его холодного взгляда делалось нестерпимо стыдно, но вместе со стыдом оживали и обострялись другие чувства. Вера уже не могла остановиться. Подступившее наслаждение

заставило выгнуться. Вера зажала рот ладонью, чтобы не закричать.

Вяземский дождался, пока она затихнет:

– Вам легче?

– Да, спасибо, – ответила она, не смея взглянуть на него.

– Замечательно. Теперь вы сможете справиться с недомоганием и без моей помощи.

Вера быстро оделась и выбежала из кабинета.

Ночные улицы были пусты. Мартовский заморозок забирался под распахнутое пальто, но не мог остудить пылающих щёк.

«Куда я бегу? Девочки с Аллой, меня ещё не ждут. Надо успокоиться и во всём разобраться».

Она заставила себя замедлить шаг. Как теперь вести себя с Кириллом? И значило ли для него хоть толику всё произошедшее? Срам-то какой! Но как удивительно проснулась чувственность! Вере казалось, что после Дара и Исгара она не сможет наслаждаться. Так что же произошло?

Вера остановилась, глубоко вдохнула холодный воздух, прислушалась к себе. Сжигавший её стыд вытеснил ставшие привычными терзания по демону. Она рассмеялась, ощутив непривычную лёгкость.

Алла не спала, ждала её возвращения. Вера не раздеваясь прошла в тёмную гостиную, опустилась на диван и сдавила

виски пальцами.

– Как прошло? – Матецкая встала в дверях.

– Ой, не спрашивай...

– Да ладно! Ты была с ним на первой же встрече? Не ожидала от тебя такой прыти.

– Я не знаю, что это было. Вообще ничего не понимаю.

– Поделишься?

– Нет! Аллочка, прости, но мне надо побыть одной.

Матецкая пожала плечами, пробормотала: «Как хочешь» и ушла.

Вера терялась в догадках, что будет дальше. Несколько раз она собиралась посмотреть свечение Вяземского, но так и не решилась. К чему лишний раз убеждаться в его презрении? Спустя неделю после ночной встречи они столкнулись в профкоме. Кирилл сухо поздоровался и отвлёкся на текущие дела.

«Не слишком ли большое значение я придаю глупому случаю? Похоже, он и думать обо мне забыл».

У Веры почти получилось выбросить Вяземского из головы, но вместо мыслей о нём тут же вернулась боль по Исгару. За короткую передышку тоска будто расширилась, стала острее. Спасти от неё получалось только в воспоминаниях о позоре с Вяземским. А они меркли и стирались от времени. Промаявшись в метаниях между стыдом и тоской, Вера решила вновь навестить Кирилла.

Как и в прошлую встречу, он оказался в смотровой.

– Что на этот раз забыла Алла Владимировна? – спросил, опустив приветствие.

Вместо ответа Вера сняла блузку и бюстгальтер. Подошла вплотную. Вяземский поднялся со стула, с усмешкой посмотрел в глаза. Затем схватил Веру за волосы и бросил грудью на стол. В кожу больно впились уголки журналов и историй болезней. В спину упёрлась ладонь, не давая подняться. Послышался звон пряжки ремня. Вяземский задрал юбку.

«Что, больше не играешь в неприступность? Всё-таки мужчины слабы перед желанием».

Ремень со свистом рассёк воздух. Ягодицы обожгло болью. Потом ещё и ещё. Вера кусала губы в кровь, чтобы не закричать. Порка прекратилась, когда у Вяземского устала рука.

И тут он овладел ей. Вера заскулила от боли и унижения. Даже Яшка не насиловал таким мерзким способом! Но поразило то, что ей удалось испытать наслаждение.

После всего, когда она застёгивала одежду трясущимися пальцами и пыталась привести себя в порядок, Вяземский наконец заговорил с ней:

– Вера, зачем ты приходишь? Тебе что, нравится всё это?

– Нет. Просто я хочу быть с тобой. Хочу самой обычной близости, как у людей. Это преступление?

Вяземский ухмыльнулся криво и пренебрежительно:

– Обычной близости... Хорошо. Когда ты свободна с

утра?

– В четверг.

Он нацарапал адрес на клочке бумаги:

– Приходи в девять. Будет тебе «как у людей».

Вяземский назначил свидание в общежитии для одиноких медработников. Вера долго блуждала по длинным коридорам в поисках нужной комнаты. На стук никто не открыл. Она уже решила, что ошиблась дверью или попалась на очередной розыгрыш, когда наконец защёлкали замки. Прежде чем впустить её, Вяземский огляделся по сторонам. Убедившись, что в коридоре никого нет, позволил ей войти.

– Располагайся. Как видишь, удобствами нашего брата не балуют.

Комната была большой и светлой. Мебель простой, но добротной. Вера вспомнила ленинградскую каморку.

– Почти шикарно. Ты не видел, где приходилось жить мне.

– А сейчас как живёшь? Дослужилась до отдельной комнаты?

– У меня трёшка.

Кирилл присвистнул:

– Ого. Как посмотрю, руководство благосклонно к тебе.

– Так уж сложились обстоятельства.

– У меня они почему-то так резво не складываются. Перспектива на коммуналку маячит где-то в голубой дали. Не поделишься своими методами?

– Нет, это не твоё дело.

– Как скажешь. Тогда приступим к моему делу. Раздевайся.

Вера едва сдержалась, чтобы не ответить грубостью, и сняла платье. Вяземский завязал ей глаза шарфом и подтолкнул к постели.

– Ложись и жди. Я сейчас.

Скрипнула входная дверь. Стало тихо. Через минуту скрип повторился. Щёлкнул замок. Послышалась возня с одеждой и шлепки босых ног к кровати. Лёг рядом. Несмело коснулся груди, живота. Рука скользнула к бёдрам и тут же вернулась на грудь. Вера ожидала чего угодно, но не этих робких ласк. Горячие губы прижались к плечу. Она положила ладонь на затылок любовнику. Под пальцами вместо густой шевелюры оказался короткий ёжик жёстких волос. Сдёрнув повязку, она увидела перед собой испуганное лицо мальчишки, почти подростка.

– Лежи смирно. – Вяземский сидел на стуле и наблюдал. – Можешь не переживать, Василёк студент, здесь на практике, в городе никого не знает, а имён я ему не называл. Вася, смелее, хватит прелюдий, засади ей по-простому, как у людей...

Вера чувствовала себя тряпичной куклой, с которой творили всё что вздумается. После она бежала домой, пряча лицо от прохожих и повторяя бесконечной чередой: «Никогда больше! Больше никогда!» Но прошло несколько дней, отвращение притупилось, а на смену ему с новой силой нава-

лилась тоска. Чем дольше Вера пряталась от воспоминаний об Исгаре, тем мучительнее было их возвращение. Стоило на время забыться, как они обретали свежесть и остроту, будто расставание с демоном случилось вчера, а не несколько лет назад. Спасаясь от терзаний, она вновь искала встречи с Вяземским. И так металась по бесконечному кругу от мерзости к отчаянию.

В августе Вербицкий покинул город и оставил пост зама по лечебной части. Вера заняла его место. После смены коллеги накрыли стол и отмечали назначение. В разгар торжества неожиданно появился Вяземский с огромным букетом.

– Быстро же у нас новости разлетаются. – Вера едва справилась с изумлением. Кирилл тщательно скрывал их отношения, а тут вдруг цветы у всех на глазах. Видимо, новая должность придала ей привлекательности, раз он так осмелел.

– Ты о чём? – Удивление вышло фальшивым. – Я просто решил встретить дорогую мне женщину и неожиданно попал на праздник. Может, хватит нам уже скрываться?

«Что ж с того? Я тоже не влюблена. Он моё спасение от пустоты, ниша, куда бегу от боли».

Девочки ещё не вернулись из лагеря. Вера впервые решилась пригласить Кирилла к себе. Осмотрев квартиру, он проворчал одобрительно:

– Годится. Только спальни я не нашёл.

– В ней не было необходимости.

– Ты меня разыгрываешь? У тебя, должно быть, десятки поклонников. Такая женщина не может не увлечь.

– Врать у тебя получается плохо.

– Вера, я говорю искренне!

Впервые он попытался быть нежным. Вера устала от долгих ласк и чувствовала только раздражение. Тело не откликлось. Кирилл пыхтел, злился, но тоже не мог возбудиться. Отчаявшись добиться готовности от мужского естества, ушёл курить в кухню. Вера отправилась следом. Он хмуро дымил в открытое окно, не заботясь о том, что его могут заметить соседи. Услышав её шаги, буркнул:

– Только не надо меня успокаивать!

Она впилась ногтями ему в спину. Он взвыл. На коже проступили багровые полосы. Обернулся с бешеным оскалом, схватил за горло, повалил на пол и уселся верхом на грудь. Свечение полыхнуло страстью.

Глава 8. Расправа

Вера разглядывала себя в зеркало. После недели жизни с Вяземским чистыми от побоев остались лицо и кисти рук. На груди, животе, бёдрах и ягодицах красочной палитрой растеклись следы укусов: багровые – это свежие, чёрные и фиолетовые – трёхдневные, а жёлтые и зелёные – уже проходящие. Из некоторых ещё сочилась сукровица. Надо бы заклеить их пластырем, чтобы кровавые пятна не выступили на одежде. На лодыжках и запястьях – следы от верёвок. Придётся, несмотря на жару, надеть плотные чулки и тёмную блузку с длинным рукавом.

С того дня, когда Кирилл появился в поликлинику с цветами, их отношения перестали быть тайной. Больше того, Вяземский будто выставлял их напоказ. На людях был безупречно внимателен и заботлив, но стоило им остаться наедине, как он превращался в зверя. Веру пугало, что это её в нём и привлекало. Прежде они встречались нечасто, раны и синяки успевали сойти к следующему свиданию. Сейчас, рассматривая в зеркале своё истерзанное тело, она думала, что пора расставаться.

Вяземский выбрался из постели, с хрустом потянулся и прошлёпал в кухню.

– Доброе утро, – хмуро пробормотала она ему вслед. – Завтра дочь возвращается. Мне придётся ходить по дому в

футляре.

– Кто виноват, если ты не заводишься по-другому.

– Ты тоже. Кстати, собери свои вещи. У меня больше встречаться не будем.

– С чего вдруг? Проблема в дочери? Так давай поженимся.

– Кирилл, ты не понял. Дело не в приличиях. Я не позволю тебе остаться наедине с ребёнком. Ни на миг!

– За кого ты меня принимаешь? Меня интересуют не маленькие девочки, а их матери. И вообще-то, я только что сделал тебе предложение.

– Я польщена, но нет.

– Почему?

– Супругов должно связывать нечто большее, чем любовь к извращениям. Мы же чужие друг другу.

Он подошёл сзади, обхватил её за плечи, сунул ладонь в промежность и с силой зажемял кожу.

– У меня есть для тебя подарок. Дикари сшивают своим маленьким дочерям половые губы, а в брачную ночь супруг разрезает сросшуюся плоть и берёт жену, пока она истекает кровью. Я хочу проделать это с тобой.

Вера оттолкнула его:

– Ты омерзителен. Убирайся!

Вяземский усмехнулся:

– Ты сама не лучше. А теперь мысль о брачном ритуале засядет в твоей голове. Сколько ты сможешь ей противиться? Не пройдет и недели, как прибежишь ко мне и будешь

умолять зашить свою дырку.

– И не мечтай! Забирай свои пожитки и проваливай!

Напоследок он оставил ей пару новых укусов и ушёл посмеиваясь.

Весь день Вера старалась не думать о Вяземском. На работе отвлечься оказалось несложно.

«Ничего, переживу. Завтра девчонки вернутся, не до страстей станет. Может, пострадаю немного, но время всё лечит. Надо просто перетерпеть. А что до Исгара, так жила же я с этой тоской столько лет. И сейчас справлюсь. Навалится, потом притупится».

Дома Вера затеяла уборку, приготовила обед для девочек, а после присела отдохнуть с книгой. Чтение тоже неплохо отвлекало, пока сюжет не повернул к свадьбе. Жуткий брачный ритуал, о который рассказал Вяземский, завладел мыслями. Веру одновременно и пугало, и манило это изуверство. И то, что она хотела истязания, пугало ещё больше.

«Интересно, он переживает из-за нашей ссоры? Или ему всё равно? Что он сейчас чувствует? Тосковать он, конечно, не будет. Но должен же жалеть или злиться, в конце концов».

Любопытство не давало покоя. Вера отложила книгу, сделала себе чай и вышла на балкон. В доме светилось несколько редких окон.

«Уже так поздно? – она и не заметила, как наступила ночь. – У него сегодня дежурство. Больные в отделении уже

уснули. Чем он занят? Как воспринял мой отказ? Может, всё-таки взглянуть? Мельком, не копаясь».

Вера добралась до свечения любовника и ахнула: от него исходили розовые струйки страсти.

«Он скучает, томится, а я сижу тут. Когда мы ещё увидимся? При Надюшке я не смогу бегать к нему когда вздумается».

Вера быстро привела себя в порядок, накинула плащ и вышла в ночную прохладу.

В тихом и тёмном отделении свет горел только в смотровой. Вера прокралась на цыпочках, чтобы не потревожить больных. Остановилась под дверью и прислушалась. Из кабинета доносились скрип кушетки и сдавленные женские стоны. Вера выпустила рецепторы. Вяземский и правда был охвачен страстью, только не к ней, а к молоденькой девчонке, с которой был сейчас. Вскоре Кирилл глухо зарычал. Девушка тихо рассмеялась:

– Я лучше твоей хромой старухи?

Послышался мягкий шлепок.

– Сама знаешь, что лучше. Не такая уж она и старуха, ей тридцать пять.

– Да? Я думала глубоко за сорок. Кирюш, как тебе не противно с ней?

– А что ты предлагаешь? Отказаться от её тёплого крылышка, от трёхкомнатных хором и тесниться у твоих роди-

телей в домишке-засыпушке в надежде, что через год нам выделят комнатёнку в коммуналке?

– Что ж такого? Все так живут.

– Я не все. В нашей жизни удача с неба не падает. За возможности надо хвататься зубами. В сентябре будет решаться, кого из гинекологов отправят на повышение. Думаешь, мне, не проработавшему тут и года, что-то светит без влияния Горюновой? Или ты мне поможешь? В моих планах уехать работать за границу. И счастливый билет вытянет моя дражайшая будущая супруга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.